

**МОСКОВСКО-ПЕТЕРБУРГСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ
В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ ПОДХОДОВ
К ИЗУЧЕНИЮ ГОРОДА**

В статье анализируется широкий междисциплинарный контекст, без включения в который сегодня невозможно эффективное изучение истории и потенциала московско-петербургских отношений с позиций сравнительной культурологической урбанистики. При этом давно мифологизированное противостояние российских столиц рассматривается как частный случай их взаимовлияния. Особое внимание уделяется принципам информационно-семиотического подхода к исследованию города, хорошо разработанного тартуской школой и, в первую очередь, Ю. М. Лотманом, а также принципам системного подхода, широко используемого в современной урба-

нистике и успешно примененного М. С. Каганом к изучению московско-петербургских взаимоотношений в сфере культуры. Автор предлагает рассматривать Москву и Петербург (как культурологические объекты) в их взаимодействии в качестве особой системы, имеющей развитую структуру взаимосвязей и определенные закономерности развития. Осознание этой системности, по его мнению, будет способствовать более глубокому пониманию культурной роли Москвы и Петербурга, их значения для развития русской культуры в целом.

Изучение литературы, так или иначе затрагивающей проблему взаимоотношений Москвы и Петербурга как самостоятельного и очень важного для истории России феномена, убеждает, что научное исследование этой темы сегодня фактически вступает в новую фазу. Для нее характерен междисциплинарный и компаративный подход, трактующий взаимодействие российских столиц как проявление диалогичности культуры. Здесь, в первую очередь, надо отметить работы К. Г. Исупова¹ и монографию М. С. Кагана, посвященную истории культуры Петербурга². В этом направлении стремится развивать свои исследования и автор данной работы³. По мнению М. С. Кагана, настаивающего на диалогическом характере отношений Петербурга и Москвы, понятие «диалог» становится «ключевым в современной философско-антропологической, педагогической, эстетических концепциях»⁴. Сторонником «диалогической модели культуры»⁵ был и Ю. М. Лотман. Диалогическое восприятие московско-петербургских отношений позволяет рассматривать и знаменитый «спор» российских столиц как, может быть, самое яркое, но частное и порой поверхностное проявление насыщенного и многообразного диалога двух главных городов страны. Два непримиримых соперника, два полюса русской жизни при такой трактовке становятся полюсами, определяющими высокое напряжение национального бытия. «Претендующий на объективность анализ истории отечественной культуры трех последних столетий при-

водит к выводу, что в этой ее биполярности, в наличии двух центров духовного притяжения и двух направлений ценностной ориентации кроется уникальная сила русской культуры, богатство, заключенное в единстве этих двух направлений»⁶.

Рассмотрение московско-петербургского взаимодействия как определенной формы историко-культурного диалога заставляет обратиться к трактовкам этого понятия в современной литературе. Культурологи А. А. Пелипенко и И. Г. Яковенко утверждают, что в известном смысле в культуре нет ничего, кроме дуальных оппозиций, их полагания, становления и результата⁷. «Человеческое мышление имеет диалогическую природу (Бахтин); в культуре общественная мысль также развивается в форме диалога, для которого необходимо наличие, по крайней мере, двух различных культурных кодов (языков)»⁸. «В целом можно говорить о параллелизме, о наложении, об определенном дублировании как о свойстве человеческого моделирования мира. Знаковость возникает уже при любом моделировании действительности, поскольку между действительностью и ее описанием образуется определенный зазор, «люфт»⁹. Таким образом, одним из направлений исследования диалога Москвы и Петербурга может быть взгляд на него с позиций семиотики, науки о знаковых системах. Как писал Ю. М. Лотман, «на всех уровнях мыслящего механизма — от двуполушарной структуры человеческого мозга до культуры на любом из уровней ее

организации — мы можем обнаружить биполярность как минимальную структуру семиотической организации»¹⁰. Диалог подразумевает асимметрию, а асимметрия выражается в различии семиотической структуры (языка) участников диалога¹¹. Интеграция биполярных структур осуществляется «в форме драматического диалога, компромиссов и взаимного напряжения»¹². Исходной точкой любой семиотической системы является отношение минимально двух знаков, образующих семиотическое пространство. Пространство это заполнено конгломератом элементов, находящихся в самых различных отношениях друг с другом: они могут выступать в качестве сталкивающихся смыслов, колеблющихся в пространстве между полной тождественностью и абсолютным неприкосновением¹³. «В целом, только столкновение кодов может проявить семиотический объект, поскольку наличие только одного кода не дает возможности рассматривать его как условный вариант связи между формой и содержанием»¹⁴. Знаковая система видна только с позиций другой знаковой системы¹⁵. По мнению украинского лингвиста Г. Г. Почепцова, тартуско-московская школа семиотики, признанным главой которой был петроградец и ленинградец Ю. М. Лотман, «...активно подчеркивала двойственный характер семиообъекта, который часто реализуется в повышенном уровне неоднозначности, характерном для языков культуры»¹⁶. «Культура представляет собой самый совершенный из созданных человечеством механизмов по превращении энтропии в информацию. Этот механизм должен хранить и передавать информацию, но и одновременно и постоянно увеличивать ее объем. Постоянное самоуспокоение и саморазвитие являются его законом»¹⁷.

Ю. М. Лотман и его последователи успешно применили принципы тартуской школы к исследованию городской семиотики, в первую очередь петербургской, но через нее всегда проступала, вступала с ней в диалог семиотика московская¹⁸. Лотман выделял две сферы городской семиотики: город как пространство и город как имя¹⁹. В книге «Внутри мыслящих миров» он сформулировал семиотическую концепцию города: «...Наличие истории является неизменным условием работающей семиотической системы...

Город как сложный семиотический механизм, генератор культуры, может выполнять эту функцию только потому, что представляет собой котел текстов и кодов, разноустроенных и гетерогенных, принадлежащих разным языкам и разным уровням. Именно принципиальный семиотический полиглотизм любого города делает его полем разнообразных и в других условиях невозможных семиотических коллизий. Реализуя стыковку различных национальных, социальных, стилевых кодов и текстов, город осуществляет разнообразные гибридизации, перекодировки, семиотические переводы, которые превращают его в мощный генератор новой информации. Источником таких семиотических коллизий является не только синхронное соположение различных семиотических образований, но и диахрония: архитектурные сооружения, городские обряды и церемонии, самый план города, наименования улиц и тысячи других реликтов прошедших эпох выступают как кодовые программы, постоянно заново генерирующие тексты исторического прошлого. Город — механизм, постоянно заново рождающий свое прошлое, которое получает возможность соположаться с настоящим как бы синхронно. В этом отношении город, как и культу-

ра, — механизм, противостоящий времени»²⁰.

Таким образом, с точки зрения семиотики, город тем лучше справляется со своей культурной миссией, с задачей по генерированию информации, чем диалогичнее его внутренняя природа. Многообразие форм и острота реплик в этом диалоге только способствуют насыщению городского семиотического пространства. Неоднозначность создаваемых городом «кодов и текстов» лишь усиливает его влияние на культуру. Город, при всей его семиотической сложности, — лишь часть семиосферы и находится в теснейшей взаимосвязи с другими ее элементами и, в частности, с другими городами. Как уже указывалось, практика применения семиотических методов исследования к изучению Петербурга неизбежно приводила к использованию «московского текста» для того, чтобы понять текст петербургский. (Хотя, В. Н. Топоров, например, считает, что, несмотря на создание поколениями писателей целого ряда ярких образов Москвы, в русской литературе отсутствует особый «московский текст»²¹). На некоей «гиперсемиотичности» Петербурга, в отличие от «естественного» языка Москвы, настаивает и К. Г. Исаупов²². Но, как представляется, эти замечания известных специалистов относятся, в первую очередь, к литературе, которая является очень важной, может быть, важнейшей, но все-таки лишь частью петербургского и московского текстов, понимаемых в широком семиотическом смысле. С этой точки зрения, есть основания задуматься и о возможности выделения «московско-петербургского текста» русской, да и не только русской культуры, как важнейшего компонента самостоятельного, московско-петербургского семиотического пространства. Наличие такой возможности

делает необходимым использование информационно-семиотического подхода к изучению взаимодействия Петербурга и Москвы, но, как представляется, и он не может быть единственным и универсальным.

Сравнительное культурологическое исследование таких сложных и многоликих феноменов, как Москва и Петербург, невозможно без использования исторических методов: ведь за три века развития взаимоотношений между российскими столицами они прожили несколько бурных исторических эпох. Содержание, да и форма таких сложнейших культурно-исторических явлений, как «Петербург» и «Москва» постоянно обогащалось и изменялось, порой — кардинально. Применение историко-культурологического подхода предполагает опору на конкретное историческое знание, а потому исследование московско-петербургской общности не может быть ограничено изучением мира порожденных Петербургом и Москвой знаков и мифов. Ведь их запечатленная в текстах история есть, в значительной степени, отражение, воплощение и способ существования во времени реальной истории двух российских столиц с ее историческими событиями и потрясениями, личными драмами миллионов людей, знаменитых и безвестных, живших среди стен этих городов.

Обращаясь к традиционным оценкам московско-петербургского взаимодействия, нельзя не отметить, что общим местом рассуждений о причинах революции 1917 года стало утверждение о непримиримой бинарности русской культуры и русского общества в императорский период. При этом некоторые современные теоретики, как, например, А. С. Ахиезер, объявляют ее свойством истории России вообще. Не вдаваясь в оценку исторической концепции этого

автора, необходимо отметить его попытку описать принципы действия такой бинарной (или «дуальной», как предпочитает выражаться А. С. Ахиезер) структуры. Для исследования московско-петербургской «дуальности» его трактовка бинарных явлений в обществе и культуре представляет несомненный интерес: «Дуальная оппозиция является исходным пунктом своего собственного преодоления, преодоления опасного для субъекта расчленения смысла, культурного опыта... Полюса дуальной оппозиции существуют как взаимопроникающие друг в друга, они существуют амбивалентно, друг через друга»²³. Смысл формируется между смыслами, содержащимися в полюсах оппозиции. Важнейшее значение дуальной оппозиции заключается в существовании напряженности между ее полюсами, то есть в фиксированном культурой логически принудительном и эмоционально значимом требовании осмысливать каждое явление, по крайней мере, в тенденции, как тождественное одному полюсу (например, добру, «нашему») и противоположное другому полюсу (некоторому злу, «они»)»²⁴. Движение между полюсами оппозиции определяется тем, что один из них оценивается человеком как носитель абсолютной ценности, как комфортный, выступающий идеалом, с которым человек должен слиться, отождествиться. Другой же полюс рассматривается как дискомфортный. Отношение к нему может быть охарактеризовано как стремление к отпадению, к отказу от отождествления. Освоенное культурой становится для нее комфортным. Комфортность ощущается как самоудовлетворенность психологического и культурного самоощущения сложившимися отношениями, образом жизни и т. д., дискомфортное состояние воспринимается как противоестественное, вы-

зывающее отвращение, ужас, как хаос, разрушающий жизнь. Конструктивное напряжение между полюсами дуальной оппозиции является фиксированной в культуре движущей силой всех форм человеческой деятельности. Это напряжение дает мощный импульс инверсии, то есть переходу от осмысления явления через один полюс к осмыслению через противоположный²⁵. «Инверсия есть форма альтернативного выбора, но в рамках исторически сложившейся культуры, уже накопленного богатства альтернатив... Инверсия в процессе исторического развития культуры перерастает в медиацию... Сердцевина медиации в том, что процесс осмысления не заканчивается отождествлением осмысляемого явления с одним из ранее сложившихся полюсов дуальной оппозиции, но ищет некоторый промежуточный вариант, некоторое, возможно сложное, соотношение внутри взаимопроникновения полюсов, отвечающее новым, более сложным условиям... В конечном итоге вся культура создается как результат медиации.., как следствие преодоления ограниченности ранее сложившейся культуры»²⁶. Социальным отношениям механизм дуальных оппозиций присущ в той же степени, как и культуре²⁷.

Как представляется, на уровне теоретических рассуждений А. С. Ахиезер демонстрирует достаточно убедительную версию того, где надо искать движитель развития культуры и общества вообще, и российского общества и российской культуры, а также их отдельных феноменов, в частности. Ведь, например, и по мнению Ю. М. Лотмана русская культура является «бинарной структурой»²⁸ (да и в целом концепция А. С. Ахиезера вполне сочетается с современными подходами к изучению культуры). А так как Москва и Петербург всегда рассматривались в качестве

особенно репрезентативных бинарных оппозиций, то его методология может быть применима и к изучению их взаимоотношений. В контексте данного исследования заслуживает отдельного внимания и описанный Ахиезером механизм саморазвития культурно-исторического диалога как движущей силы истории.

Три века существования России с двумя культурными центрами доказывают органичность и устойчивость такой модели для нашей страны. Чтобы понять причины жизнестойкости российского двустолочия, представляется необходимым осмыслить его системно, так как в потоке многообразных связей, соединявших Москву и Петербург за эти столетия, необходимо научиться отделять значимое и случайное. Этого требует и чрезвычайная сложность, и многообразие изучаемого «метагорода». При этом нужно попытаться понять, образуют ли две российские столицы некую единую систему, и если — да, то по каким правилам она функционирует. Такое исследование предполагает сочетание структурного и историко-культурологического подходов. «Структурная и функциональная плоскости исследования должны быть «скрещены» с плоскостью исторической как с органическим компонентом методологии системного исследования»²⁹.

Сторонники использования системного подхода в культурологии подчеркивают, что «система есть нечто большее, чем сумма составляющих ее частей... Системный объект, взятый в его целостном бытии, функционировании и развитии, образуется не только составляющими его компонентами, но и тем, как они друг с другом связаны. Связи эти в своей совокупности — точнее, целокупности, как сказал бы Гегель, составляют структуру системы»³⁰. Струк-

тура достаточно сложных систем принимает иерархический характер. Ее элементы объединяются в структурные образования (подсистемы) различного уровня, среди которых могут выделяться структурные образования высшего ранга, выполняющие функции управления всей системой в целом. С точки зрения информационно-семиотического подхода к системному анализу, способность системы сохранять информацию тем больше, чем больше ее (системы) разнообразие³¹. Развитие системы происходит через «взаимодействие сохранения и обновления, власти традиции и инновационной активности, центростремительных и центробежных сил, успокаивающих систему, гармонизирующих ее и возбуждающих, рассогласовывающих обретенный покой, консервативных и революционных»³². Ю. М. Лотман подчеркивал, что «бинарность и асимметрия являются обязательными законами построения семиотической системы»³³.

А математиками доказано, «что система не может развиваться, если внутри нет двух альтернативных описаний этой... системы (теорема Патти)»³⁴. Чтобы выявить структуру системы, нужно идти не от частей к целому, а, напротив, от целого к частям, ведь «тайна» целостности заключена именно в том, как она организована³⁵. «Если структура системы раскрывается лишь при выявлении необходимости и достаточности сопряженных в ней компонентов системы, то как устанавливается, какие именно компоненты системы отвечают этим критериям? По-видимому, лишь благодаря выявлению тех функций, которыми наделен каждый элемент целого, поскольку он существует не сам по себе, а выполняет определенные обязанности в «разделении труда» между элементами системы, необходимыми для ее эффективного функционирования»³⁶.

Для исследования взаимоотношений Москвы и Петербурга определенный интерес представляет и популярное в разных областях науки понятие «открытая система», под которой понимается система, развивающаяся во взаимодействии с окружающим миром. Дело в том, что использование системного подхода в биологии позволило установить, что открытые, развивающиеся системы нуждаются «в двух механизмах: один из них имеет стабилизационные функции и призван укреплять систему, обеспечивая сохранение выработанных ранее способов существования; другой должен в условиях изменчивости среды находить новые способы жизнеобеспечения, способные приводить систему в соответствие с происходящим в ее среде»³⁷. М. С. Каган, например, считает возможным распространить это достижение биологов и на изучение бинарных систем, созданных человеком: «каждый тип культуры не ограничивается самосозерцанием, самопознанием, самооценкой, но сближается с другими культурами и в процессе общения с ними глубже, тоньше, точнее осознает самое себя, свою неповторимость, индивидуальность, уникальность»³⁸.

Однако при всем значении взаимодействия систем с другими системами и с той метасистемой, частями которой они являются, источник развития любой реально существующей системы надо искать внутри ее. «Обобщающим определением... особенностей исторического движения является понятие саморазвития — ибо если изменение может происходить под влиянием и внутренних, и внешних причин, то развитие есть следствие одной только внутренней детерминации процесса»³⁹. То есть система является саморазвивающейся, если ее структура возникает, сохраняется и усложняется в результате происходящих в

ней внутренних процессов, а не навязывается ей извне⁴⁰. Чем же порождается ее самодвижение? «...Оно внутренне необходимо антропосоциокультурной системе — необходимо потому, что она сверхприродна, то есть управляется духовными силами, само бытие которых есть не удовлетворяющаяся по самой ее природе потребность самосовершенствования»⁴¹. «Пока человек есть существо культурное, он обречен на пребывание в состоянии дуальности. В этом и трагизм культурного бытия, и источник его саморазвития»⁴². Понятие саморазвивающейся системы пришло в культурологию из синергетики, методы которой в последнее время стали достаточно широко применяться в гуманитарных исследованиях и при этом оцениваются научной общественностью далеко неоднозначно⁴³.

Таким образом, поиски методологических подходов к изучению взаимоотношений Петербурга и Москвы делают необходимым оценку возможности применения не только историко-культурологических методов, включая информационно-семиотический подход, но и системных методов анализа — как структурно-функциональных, так и именуемых синергетическими.

Город является объектом исследования не только культурологии, но истории и социологии, географии (где сложилась специализированная научная дисциплина — геоурбанистика⁴⁴) и экологии, им занимаются демографы и психологи, экономисты и искусствоведы, архитекторы и политологи, ученые других специальностей. Одновременно в XX веке сложилась изучающая города междисциплинарная наука — урбанистика — о закономерностях возникновения и развития городов. Для урбанистики исследование конкретного города является прикладной задачей, но анализ

взаимосвязанного развития таких крупнейших городов, как Москва и Петербург, должен, как представляется, опираться и на ее достижения.

Современные российские специалисты в области урбанистики признают сложность такого явления, как город, и то, что закономерности его развития далеко еще не познаны: «Город... — это не столько улицы, здания, площади и парки, сколько процессы, протекающие в них. Как правило, более всего изучают субстрат города, его материально-пространственную сущность, а не субстанцию — процессы, формирующие эту сущность»⁴⁵; «Город — это сложнейший... организм... Эволюционирует этот организм по неясным пока еще законам, многие из которых, как показывают исследования, приближаются по сути к законам, вскрытым в экологии, к законам, определяющим развитие социосферы, техносферы»⁴⁶.

В наши дни особое значение приобретают интегрированные знания о городе. Именно в городах прослеживаются ведущие линии и тенденции развития общества в целом. Город с этой точки зрения — основа всего общественного здания⁴⁷. Город «в своем социокультурном и экономическом пространстве выступает в качестве самостоятельного социума и особого, но не изолированного, организма, который с огромной силой влияет и существенным образом определяет специфику развития общества»⁴⁸.

Многие современные специалисты в области урбанистики используют в своих исследованиях категориальный аппарат синергетики. Так, например, А. Нещадин и Н. Горин подчеркивают: «Принципиальная новизна этой общности (города — С. С.) заключается в синергетичности, способности к саморазвитию. Значимую роль в процессах саморазви-

тия играет сложность структуры городского социума, его социальная неоднородность»⁴⁹. Не менее значимой стороной, обеспечивающей процессы саморазвития, являются процессы интеграции социальных групп внутри города. А. Нещадин и Н. Горин выделяют семь уровней этой интеграции: социально-психологический (единство объективной и актуально переживаемой Миссии, предназначения города), экономический, социальный, социокультурный, психологический (проявляется в процессах психологической самоидентификации населения с городом, с городским образом жизни, с культурой, также с конкретным городом, с его названием, местоположением; в том или ином виде это преобразованный остаток этнического «мы» наличествует в каждом городе), политический, ландшафтно-географический⁵⁰.

В открытости города как системы А. Нещадин и Н. Горин видят вторую важную предпосылку синергетичности города⁵¹. Разделяют увлечение синергетикой и авторы цитированной выше коллективной монографии «Город в процессе исторических переходов»: «Город есть саморазвивающаяся, саморегулирующаяся через поведение людей, термодинамически открытая система, включающая совокупность антропогенных — технических, социальных, экономических и т. п. подсистем»⁵². Город внутренне противоречив. По их мнению, «любая саморазвивающаяся система состоит из двух рядов структур (подсистем), один из которых закрепляет и сохраняет ее строение, функциональные особенности, а другой — способствует видоизменению и даже саморазрушению системы с образованием новой функционально-морфологической ее специфики в соответствии с изменениями внешней среды»⁵³. Применяя это общее

положение к городу, можно сказать, что устойчивость его развития определяется эффективностью разрешения значимых для него внутренних и внешних противоречий. Одновременно «устойчивость города и потенциал его развития тем выше, чем больше общественно-значимых функций способен реализовать город»⁵⁴. «Развивающаяся система никогда не достигнет стабильного состояния динамического равновесия; наоборот, закономерные периодические флуктуации свидетельствуют о живучести системы, ее способности к прогрессивным изменениям, и собственно новый качественный этап развития начинается с того момента, когда под влиянием внешних воздействий процесс флуктуаций переходит принципиально на новый режим. При этом форма и структура системы могут измениться, перейти как бы в новое фазовое состояние»⁵⁵. Достигая жесткой детерминации, система оказывается способной существовать лишь в строго стабильных условиях, тем самым она оказывается обреченной на разрушение. «Иными словами, система, сохранившая способность к развитию, не может быть стабильной»⁵⁶. К саморазвитию способны только системы, активно обменивающиеся с внешней средой продуктами жизнедеятельности — именно в этом видится принцип «открытости системы»⁵⁷.

С точки зрения культурологии, важно отметить, что город отличает не только концентрированность и гетерогенность общественных проявлений, но и не менее важное свойство коммуникативности в области культуры. И, по мнению, например, А. А. Сванидзе, это свойство городов менее других затронуто историками⁵⁸. «Современные трактовки существа города, его субстанции позволяют рассматривать город как аккумулятор творческого потенциала»⁵⁹.

Любая подсистема города существует только благодаря связи с другими подсистемами, с метасистемой, в структуру которой входит исследуемая структура «город»⁶⁰. Развивая мысль о связях в системах, авторы книги о городах в процессе исторических переходов отмечают наличие закона «перехода в подсистему, или принцип кооперативности, имеющий общесистемное значение. Саморазвитие любой системной совокупности непременно включает ее как подсистему в более крупную систему, в метасистему»⁶¹. Метасистема пронизывает своим воздействием само существо города, его структуры, зоны его тяготения. Провести границу *город* — *метасистема* практически невозможно и вряд ли необходимо. Некоторые элементы города по сути являются принадлежностью метасистемных уровней, в то же время принадлежат городу, приобретают его специфику, особенности, колорит и т. п.⁶². Значимость города как целевой социальной общности определяется уровнем макросистемы, в рамках которой он выполняет свои целевые функции. В этой системе отсчета значимость города никак не связана с численностью его населения или местоположением⁶³. «Эмпирический опыт подсказывает, что цели в обществе часто меняются, а территориальные системы продолжают устойчиво существовать. В соотношении, таким образом, находятся изменяющиеся цели, с одной стороны, а с другой — некоторое количество устойчивости, отождествляемое с наличием инвариантов функционирования»⁶⁴.

Итак, с точки зрения современной урбанистики, город представляет собой способный к саморазвитию сложный организм, открытую систему, активно взаимодействующую с окружающим миром. Эта открытость, а также сложность структуры города, наличие в нем

разнообразных подсистем и стремление составляющих его социальных групп к интеграции, проявляющееся через поведение людей, являются источниками саморазвития. Противоречивость и цикличность развития, периодическое наступление кризисов имманентно присущи городу как саморазвивающейся системе. Город концентрирует и создает информацию, обменивается ею с другими частями метасистемы или метасистем, в которые он входит. Идеи о взаимодействии города и метасистемы, особенно мысль о том, что элементы метасистемы часто «растворены» в городе, представляются особенно важными для изучения взаимодействия Москвы и Петербурга.

Если урбанисты изучают феномен города как таковой, пусть и в его историческом развитии, то историков интересуют конкретные города с их неповторимой историей. Различным проблемам истории Москвы и истории Петербурга посвящено огромное количество очень ценных краеведческих, конкретно-исторических и обобщающих научных трудов. Однако перемены, произошедшие в нашей стране в конце XX века, вызвали серьезную переоценку ценностей в исторической науке. И среди прочего оказалось, что полноценной научной истории ни Москвы, ни Петербурга у нас пока нет. «Многотомные издания истории Москвы и Ленинграда оказывались простыми суммами расположенных рядом и никак друг с другом не связанных очерков о разных сторонах жизни города; отрицалась сама возможность реконструкции развития культуры в целостном ее бытии»⁶⁵. Требуют осмысления с позиций современной науки многие проблемы истории XVIII — начала XX века, а полноценная история двух главных городов страны в советский период вообще только начинает создаваться. Тру-

дов же по общей истории двух городов, по сравнительной истории Петербурга и Москвы вообще практически нет. Историков здесь вынужденно заменяют специалисты других профилей, в том числе и склонные к обобщениям культурологи. Но дело в том, что пока эта тематика не будет освоена историками (в их защиту надо сказать, что отечественные историки и их зарубежные коллеги в последние десятилетия весьма активно разрабатывали тему генезиса и развития российского города, в том числе и обеих столиц, но в их трудах затрагивались либо частные проблемы истории Петербурга и Москвы, либо отдельные аспекты их исторической жизни в контексте специализированных фундаментальных исследований)⁶⁶, будет страдать и качество культурологических работ, так как при построении своих концепций культурологи нуждаются в опоре на знания, добытые историками. Такое положение дел накладывает определенный отпечаток на содержание и методы данного исследования, повышает для него значение критического историко-культурологического подхода.

Анализ идей, формулируемых различными направлениями научной мысли, так или иначе связанных с изучением феномена города и, в первую очередь, города, развивающегося в поле русской культуры, показывает, что современная наука использует для его описания различающиеся, но вполне сопрягаемые понятийные аппараты. И пусть в самых общих чертах, но она в состоянии описать принципы структуризации, движущие силы развития и функции города. При этом функция города как аккумулятора, производителя и транслятора культуры при всех подходах рассматривается как ведущая. Имеющаяся теоретическая база создает хорошие предпосылки для применения к

изучению конкретных городов сравнительных методов исследования, методов историко-культурологической компаративистики. Она дает основу для определения модели, по которой могут быть подвергнуты исследованию не абстрактные, а реально существующие города, в том числе Петербург и Москва.

Еще в XIX веке выдающийся русский историк С. М. Соловьев, рассуждая о значении Петербурга, писал: «Москва знает, что с появлением новой столицы между ними произошло разделение занятий, а следовательно, и соединение сил»⁶⁷. Автором данной статьи предлагается метод изучения Москвы и Петербурга через признание ценности «соединения сил», путь от осознания реальности существования московско-петербургской «целокупности» к пониманию ее организации и принципов жизнедеятельности и, в конечном итоге, к лучшему знанию как Петербурга, так и Москвы. Мысль Соловьева, по сути дела, предвосхищает системный подход, который провозглашает, что целое больше, чем совокупность его частей. С точки зрения системного подхода, Москва и Петербург, находящиеся в непрерывном взаимодействии уже триста лет, могут быть названы бинарными оппозициями, лежащими в основе самостоятельной системы, так как качество системы определяется не только ее составом, но и тем, как связаны части системы, то есть ее структурой. Так как по отношению к каждому из городов эта система является образованием более общего порядка, то она является в этом смысле метасистемой. Учитывая ее состав, эта метасистема может быть определена как российская метастолица⁶⁸. Однако изучая эту метасистему, нельзя ни на минуту забывать, что она находится в дуальном взаимодействии с метасистемой российской провинции и вместе с ней образует

метасистему под названием Россия. При этом понятиями «Петербург» и «Москва», в зависимости от конкретной промежуточной задачи, автором данной статьи описываются не только эти города как целостные системы, но и их подсистемы, исторически сформировавшиеся образы, мифы Москвы и Петербурга. Эти понятия также используются, когда речь идет о характерном и типичном во взаимодействии между различными институтами, общественными слоями или группами, определенными культурными, духовными и ментальными проявлениями в Петербурге и в Москве в те или иные исторические эпохи или на протяжении всех трех веков совместного существования. И этот подход представляется оправданным, ибо Москва и Петербург целостны в самых разных своих ипостасях.

Итак, российскую метастолицу структурируют связи, объединяющие и отталкивающие Москву и Петербург. Они очень тесно переплетены, проникают друг в друга и могут быть сгруппированы, могут изучаться только с учетом этого важнейшего обстоятельства. Бесчисленные нити связей различных форм и значения соединяют две российские столицы. Именно они во всем их разнообразии создают российскую метастолицу и ее структуру. Но проявить ее можно, только структурируя их, выявляя подсистемные образования метасистемы, растворенные в теле двух систем — городов Петербурга и Москвы, формирующих эту метасистему.

Такие связи гораздо разнообразнее и сложнее, чем традиционно понимаемые функции столичных городов. (Под столицами здесь понимаются как города, имеющие законодательно закрепленный статус столицы или выполняющие, также в соответствии с действующим законом, ее отдельные функции, так и горо-

да, официально столицами не являющиеся, но оказывающие определяющее воздействие на развитие страны в силу своего экономического и (или) культурного потенциала, а также воспринимаемые национальным самосознанием как таковые — и в силу исторической традиции (например, бывшие официальные столицы), и благодаря сегодняшним возможностям и влиянию). Необходим поиск таких линий взаимодействия двух этих городов, которые одновременно выделяли бы их как особую общность и помогали вскрыть созидательный, креативный, «медиативный», инновационный характер их взаимосвязи. Вот почему и при анализе структуры московско-петербургской метасистемы наиболее плодотворным и соответствующим заявленной цели представляется использование широко распространенного в современной культурологии информационно-семиотического подхода⁶⁹. При этом необходимо учитывать культурно-исторический характер проблем, подлежащих рассмотрению, и мнение авторитетных специалистов, указывающих на определенную ограниченность познавательных возможностей этого подхода⁷⁰.

Исходя из всего сказанного, можно выделить следующие наиболее общие

группы функциональных связей (подсистем), системообразующих как любой город в принципе, так и московско-петербургское сообщество в частности, и одновременно структурирующих его: *информационно-коммуникативные, семиотические и регулятивно-ценностные*. В свою очередь, каждая из этих больших групп связей является определенной системой для входящих в нее подсистем; при этом как она, так и ее подсистемы существуют только во взаимодействии с подсистемами других групп, и одновременно на любом иерархическом уровне элементы метасистемы обладают признаками открытой системы, так как развиваются не только по внутрисистемным причинам, но и благодаря взаимодействию с окружающим миром. Имеет определенное значение и последовательность рассмотрения процессов развития групп связей, формирующих данную метасистему. Это объясняется тем, что все эти группы связей или подсистемы образуют определенную иерархию, и только поднимаясь по ее ступеням, можно добиться более или менее цельного и глубокого понимания взаимоотношений двух городов — Москвы и Петербурга, а также той общности, которую они образуют.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ См., например: *Исупов К. Г.* Русская эстетика истории. СПб., 1996.; Москва — Петербург: pro et contra / Сост., вступ. ст., коммент., библиогр. К. Г. Исупова. СПб., 2000.

² *Каган М. С.* Град Петров в истории русской культуры. СПб., 1996.

³ См., например: *Смирнов С. Б.* Петербург — Москва: сумма истории. СПб., 2000.

⁴ *Каган М. С.* Введение в историю мировой культуры. Книга вторая. СПб., 2003. С. 304.

⁵ *Лотман Ю. М.* Асимметрия и диалог // *Семиосфера*. СПб., 2004. С. 602.

⁶ *Каган М. С.* Введение в историю мировой культуры. Книга вторая. Указ. изд. С. 159.

⁷ *Пелипенко А. А., Яковенко И. Г.* Культура как система. М., 1998. С. 62.

⁸ *Кармин А. С.* Культурология. СПб., 2004.

⁹ *Почепцов Г. Г.* Семиотика. М., 2002. С. 128.

¹⁰ *Лотман Ю. М.* Феномен культуры // *Семиосфера*. С. 570.

¹¹ *Лотман Ю. М.* Внутри мыслящих миров // *Семиосфера*. С. 268.

¹² *Лотман Ю. М.* Асимметрия и диалог // *Семиосфера*. С. 598.

¹³ *Лотман Ю. М.* Культура и взрыв // *Семиосфера*. С. 146.

-
- ¹⁴ *Почепцов Г. Г.* Указ. изд. С. 16.
- ¹⁵ Там же. С. 28.
- ¹⁶ Там же. С. 143.
- ¹⁷ *Лотман Ю. М.* Статьи по типологии культуры // Семиосфера. С. 395.
- ¹⁸ См., например: *Лотман Ю. М.* Отзвуки концепции «Москва — Третий Рим» в идеологии Петра Первого // *Художественный мир средневековья*. М., 1982; глава «Символика Петербурга» в кн.: *Лотман Ю. М.* Внутри мыслящих миров // Семиосфера. С. 320–335; Москва и «московский текст» русской культуры. М., 1998; *Топоров В. Н.* Петербургский текст русской литературы. СПб., 2003.
- ¹⁹ *Лотман Ю. М.* Внутри мыслящих миров // Семиосфера. С. 320.
- ²⁰ Там же. С. 325.
- ²¹ *Топоров В. Н.* Петербург и петербургский текст русской литературы // *Метафизика Петербурга*. Вып. 1. СПб., 1993. С. 211.
- ²² *Исупов К. Г.* Диалог столиц в историческом движении // Москва — Петербург: pro et contra. СПб., 2000. С. 18.
- ²³ *Ахизер А. С.* Россия: критика исторического опыта (социокультурная динамика России). Т. 1. От прошлого к будущему. Новосибирск, 1997. С. 62.
- ²⁴ Там же. С. 64.
- ²⁵ Там же. С. 65–66.
- ²⁶ Там же. С. 67.
- ²⁷ Там же. С. 68.
- ²⁸ *Лотман Ю. М.* Культура и взрыв // Семиосфера. С. 147.
- ²⁹ *Каган М. С.* Введение в историю мировой культуры. Книга первая. Указ. изд. С. 57.
- ³⁰ *Каган М. С.* Философия культуры. СПб., 1996. С. 22–23.
- ³¹ *Кармин А. С.* Указ. изд. С. 734–735.
- ³² *Каган М. С.* Философия культуры. С. 93.
- ³³ *Лотман Ю. М.* Внутри мыслящих миров // Семиосфера. С. 251.
- ³⁴ Оппозиция и власть. Встреча с А. И. Подберезкиным // *Совободное слово*. Интеллектуальная хроника: 1995–1997. Акчурин И. А. М., 1997. С. 144.
- ³⁵ *Каган М. С.* Эстетика как философская наука. СПб., 1997. С. 54.
- ³⁶ Там же. С. 59.
- ³⁷ *Каган М. С.* Философия культуры. С. 92.
- ³⁸ *Каган М. С.* Эстетика как философская наука. С. 110.
- ³⁹ *Каган М. С.* Введение в историю мировой культуры. Книга первая. С. 69.
- ⁴⁰ *Кармин А. С.* Указ. изд. С. 734.
- ⁴¹ *Каган М. С.* Введение в историю мировой культуры. Книга первая. С. 75.
- ⁴² *Пелипенко А. А., Яковенко И. Г.* Указ. изд. С. 360.
- ⁴³ См. об этом, например: *Мосионжник Л. А.* Синергетика для гуманитариев. СПб.; Кишинев, 2003; см. также цитированные ранее работы М. С. Кагана и А. С. Кармина.
- ⁴⁴ См., например, такие работы, как: *Ланно Г. М.* География городов. М., 1987; его же — *Города на пути в будущее*. М., 1987; *Перцик Е. Н.* Города мира: география мировой урбанизации. М., 1999 и библиографию к этим книгам.
- ⁴⁵ *Алексеева Т. И.* Город как саморазвивающаяся система: контуры новой парадигмы // *Город как социокультурное явление исторического процесса*. М., 1995. С. 39.
- ⁴⁶ *Город в процессе исторических переходов. Теоретические аспекты и социокультурные характеристики*. М., 2001. С. 81.
- ⁴⁷ Там же. С. 165.
- ⁴⁸ Там же. С. 253.
- ⁴⁹ *Нецадин А., Горин Н.* Феномен города: социально-экономический анализ. М., 2001. С. 20.
- ⁵⁰ Там же. С. 21.
- ⁵¹ Там же. С. 23.
- ⁵² *Город в процессии исторических переходов*. С. 110.

-
- ⁵³ Там же. С. 96–97.
- ⁵⁴ Нецадин А., Горин Н. Указ. изд. С. 29.
- ⁵⁵ Город в процессе исторических переходов. С. 231.
- ⁵⁶ Мосионжник Л. А. Синергетика для гуманитариев. С. 130–131.
- ⁵⁷ Нецадин А., Горин Н. Указ. изд. С. 119–120.
- ⁵⁸ Сванидзе А. А. Город в цивилизации: к вопросу определения // Город как социокультурное явление исторического процесса. С. 30.
- ⁵⁹ Яковенко И. Г. Художественное сознание и городская среда (в их взаимодействии и созидании) // Город и искусство: субъекты социокультурного диалога. М., 1996. С. 21.
- ⁶⁰ Город в процессе исторических переходов. С. 96.
- ⁶¹ Там же. С. 105.
- ⁶² Там же. С. 126.
- ⁶³ Нецадин А., Горин Н. Указ. изд. С. 24.
- ⁶⁴ Города в процессе исторических переходов. С. 230.
- ⁶⁵ Каган М. С. Философия культуры. С. 318–319.
- ⁶⁶ См., например: Миронов Б. Н. Русский город в 1740–1860-е годы. Л., 1990 и библиографию к данной книге, а также его же: Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.): В 2 т. СПб., 2003 и библиографию к ней; Петроград на переломе эпох. Город и его жители в годы революции и гражданской войны. СПб., 2000; Лебина Н. Б., Чистяков А. Н. Обыватель и реформы. Картины повседневной жизни горожан в годы НЭПа и хрущевского десятилетия. СПб., 2003; Андреевский Г. В. Повседневная жизнь Москвы в сталинскую эпоху (20–30-е годы). М., 2003.
- ⁶⁷ Соловьев С. М. Публичные чтения о Петре Великом. М., 1984. С. 90.
- ⁶⁸ Предлагаемая трактовка понятия «метастолица» не имеет ничего общего с теософской концепцией *метагорода*, изложенной в знаменитой книге Д. Андреева «Роза мира», но определенная близость терминологии симптоматична.
- ⁶⁹ См., например, цитированные работы Ю. М. Лотмана, А. С. Кармина, А. А. Пелипенко, И. Г. Яковенко и др.
- ⁷⁰ См., например, его критику у М. С. Кагана в кн.: Введение в историю мировой культуры. Книга первая. СПб., 2003. С. 47–48.

S. Smirnov

MOSCOW-ST. PETERSBURG INTERACTION IN THE CONTEXT OF MODERN APPROACHES TO CITY STUDIES

A wide interdisciplinary context is analyzed. This context is necessary for the efficient study of history and potential of Moscow-St. Petersburg relations from the point of view of comparative cultural urbanistics. At the same time the opposition between the two Russian capitals which acquired almost a mythological status is considered as a special case of their mutual influence. Special attention is paid to the principles of info-semiotic approach to city studies, which is well developed by the Tartu school and especially by U. M. Lotman as well as the principles of systematic approach which is widely used in modern urbanistics and was successfully adapted by M. S. Kogan for studying Moscow–St. Petersburg relations in the sphere of culture. Moscow and St. Petersburg are suggested to be considered (as cultural objects) in their interaction as a special system, having a developed structure of interlinks and certain law-governed natures of development. The implemetation of this system will contribute to a deeper understanding of the cultural role of Moscow and St. Petersburg and their importance for Russian culture development.